Volume 25 Issue 2
Originally issued as A1

Global Journal of Human-Social Science: A
Arts & Humanities - Psychology
Volume 25 Issue 1 Version 1.0 Year 2025
Type: Double Blind Peer Reviewed International Research Journal
Publisher: Global Journals
Online ISSN: 2249-460X & Print ISSN: 0975-587X

"Roman Epistles" as a Genre form in the J. Brodsky's Poetry

By Elena N. Kornilova
Lomonosov Moscow State University

Abstract- In the literature of ancient Rome the emergence of the epistolary genre was due to the widespread spread of epistolary creativity during the period of the end of the era of civil wars and the formation of the empire. Epistola became the only means of communication and obtaining information in the giant Mediterranean power, whose territories were located on three continents. The letters, which initially had a purely private character, acquired information content, socio-political and philosophical content, the value of a public historical document and, finally, the format of a propaganda leaflet during Cicero's lifetime. Poets of the "Golden Age" actively used the wide possibilities of the epistolary genre. Horace creates an entire book of "Epistles", filling it with a wide variety of content, from philosophy and didactics to irony and ridicule. Ovid continues the line of love outpourings in the book "Heroids", creating in the spirit of rhetorical exercises the messages of mythological heroines to their lovers who left them.

Keywords: roman epistles, cicero, ovid, horace, dialogism, brodsky, culture of the "ready word", mythological subjects, allusions, stylization, immersion method.

GJHSS-A Classification: LCC: PA6537

Strictly as per the compliance and regulations of:

© 2025. Elena N. Kornilova. This research/review article is distributed under the terms of the Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International (CC BY-NC-ND 4.0). You must give appropriate credit to authors and reference this article if parts of the article are reproduced in any manner. Applicable licensing terms are at https://creative commons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/.

“Roman Epistles” as a Genre form in the J. Brodsky’s Poetry

ЖАНР «РИМСКИХ ПОСЛАНИЙ» В ЛИРИКЕ И.А.БРОДСКОГО

Elena N. Kornilova

Аннотация- **Появление жанра посланий в литературе древнего Рима было обусловлено широким распространением эпистолярного творчества в период завершения эпохи гражданских войн и становления империи. Эпистола стала единственным средством коммуницирования и получения информации в гигантской средиземноморской державе, территории которой располагались на трех континентах. Письма, изначально имевшие сугубо частный характер, приобретают уже при жизни Цицерона информационное наполнение, общественно-политическое и философское содержание, значение публичного исторического документа и, наконец, формат агитационной листовки. Широкие возможности эпистолярного жанра активно используют поэты «золотого века». Гораций создает целую книгу «Посланий», наполняя ее самым разнообразным содержанием, от философии и дидактики до иронии и насмешки. Овидий продолжает линию любовных излияний в книге «Героиды», создавая в духе риторических упражнений послания мифологических героинь своим возлюбленным, покинувшим их.**

Иосиф Бродский часто работал не только с древними сюжетами и мотивами, которые описаны западными и отечественными литературоведами, но и с формами: жанрами, размерами, строфикой по преимуществу римской литературы, которая была ему наиболее близка по идеологическим соображениям. Римская Империя как политический конструкт представлялась поэту более понятной из-за его близости с Россией и США. Решая, как ему казалось, отвлеченные поэтические задачи, он по своему вступал в состязание с поэтами «золотого века» и, одновременно, отвечал на острые вопросы современности. Актуализация древнего жанра посланий в поэзии Бродского станет предметом обсуждения в этой статье. Лучшими образцами эпистолярного жанра становятся Овидий и Гораций, а учителем любимый Пушкин. Здесь присутствуют не столько подражание и стилизация, а непосредственный диалог, который Бродский, живущий в эпоху постмодерна, ведет с наставниками, нередко прибегая к прямой цитации,

Author: PhD (Philology), Professor of the Department of Foreign Journalism and Literature of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9, Moscow, 125009, Russian Federation). e-mail: ekornilova@mail.ru
ORCID: https:// orcid. org/0000-0003-4606-8484

Ключевые слова: римские послания, цицерон, овидий, гораций, диалогизм, бродский, культура «готового слова», мифологические сюжеты, аллюзии, стилизация, метод погружения.

Abstract- In the literature of ancient Rome the emergence of the epistolary genre was due to the widespread spread of epistolary creativity during the period of the end of the era of civil wars and the formation of the empire. Epistola became the only means of communication and obtaining information in the giant Mediterranean power, whose territories were located on three continents. The letters, which initially had a purely private character, acquired information content, socio-political and philosophical content, the value of a public historical document and, finally, the format of a propaganda leaflet during Cicero’s lifetime. Poets of the “Golden Age” actively used the wide possibilities of the epistolary genre. Horace creates an entire book of “Epistles”, filling it with a wide variety of content, from philosophy and didactics to irony and ridicule. Ovid continues the line of love outpourings in the book “Heroids”, creating in the spirit of rhetorical exercises the messages of mythological heroines to their lovers who left them.

Joseph Brodsky often worked not only with ancient plots and motifs, which are described by Western and domestic literary scholars, but also with forms: genres, poetic meters, strophe, mainly of Roman literature, which was more accessible to him for ideological reasons. The Roman Empire as a political construct seemed more understandable to the poet due to its proximity to Russia and the United States. Solving, as it seemed to him, abstract poetic problems, he, in his own way, entered into competition with the poets of the “golden age” and, at the same time, answered the pressing questions of our time. The actualization of the ancient genre of epistles in Brodsky's poetry will be the subject of discussion in this article. The best examples of the epistolary genre are Ovid and Horace, and their beloved teacher is Pushkin. What is present here is not so much imitation and stylization, but a direct dialogue that Brodsky, living in the postmodern era, conducts with mentors, often resorting to direct quotation, allusions, stylization, and also uses the method of reincarnation, immersion in the era and culture.

Keywords: roman epistles, cicero, ovid, horace, dialogism, brodsky, culture of the “ready word”, mythological subjects, allusions, stylization, immersion method.

Introduction

Нобелевский лауреат 1987 года Иосиф Александрович Бродский с первых шагов в литературе проявил себя как художник,

© 2025 Global Journals

обладавший уникальной литературной эрудицией самого высокого качества. Возрождение мифологических и библейских сюжетов, образов богов и героев, исторические и литературные параллели, ассоциации и реминисценции, жанровые аллюзии и даже пародии в его творчестве близки по духу поэзии «серебряного века». Сочинения Бродского «вываливались» из общего ряда советской литературы, ломали привычные устои, хотя никогда не вступали в полемику с пропагандистскими догмами, напрямую не противоречили официальной идеологии.

Бродский часто работал в своей поэтической лаборатории не только с древними сюжетами и мотивами, которые описаны западными и отечественными литературоведами, но и с формами: жанрами, размерами, строфикой по преимуществу римской литературы, которая была ему наиболее близка по идеологическим соображениям. Римская Империя как политический конструкт представлялась поэту более понятной из-за его близости с Россией и США. Решая, как ему казалось, отвлеченные поэтические задачи, он вел диалог с поэтами «золотого века» и, одновременно, отвечал на острые вопросы современности. Актуализация древнего жанра посланий в поэзии Бродского станет предметом обсуждения в этой статье.

Для понимания феномена Бродского-поэта в русской словесности важно размышление А. В. Михайлова о культуре готового слова, присущего риторическому типу культуры: «…слово, которым пользуется поэзия, есть ***готовое слово***», — размышляет исследователь[1]. Сюда можно отнести целую речь, и отдельное высказывание, и фабулу, и жанр «как форму, в которую отливается мысль, и самое мелкое единство смысла (пусть, например, имя собственное), если только это происходит из фонда традиции и заранее дано поэту или писателю, если только это заведомо для него "готово"»[2].

В начале творческого пути Иосиф Бродский соотносил свою поэзию с традициями неоклассицизма, а классицизм в целом, несомненно, принадлежит к риторическому типу культуры. В ироническом стихотворении 1964 года «Одной поэтессе» он насмешливо констатирует: «я заражен нормальным классицизмом», и далее: «Я эпигон и попугай»[3]

я отдал предпочтенье классицизму,
Хоть я и мог, как мистик в Сиракузах,
взирать на мир из глубины ведра[4].

Поэт настаивал, что поэтическая образность не столько направлена к будущему, сколько стремится к диалогу с предшествующей литературной традицией, и в этом ее смысл и ценность.

Нам представляется интересным рассмотреть, как работает жанровая форма римских эпистол в поэтическом арсенале И. Бродского.

Начало эпистолярного жанра (стихотворного письма) принято возводить к книге «Посланий» Квинта Горация Флакка[5], а затем, к пародийно-мифологическим «Героидам» Публия Овидия Назона[6]. Однако появлению поэтических посланий, несомненно, предшествовала традиция частной переписки эпохи гражданских войн в Риме и первых шагов Империи, образцы которой в силу своих высочайших литературных качеств сохранились до наших дней. Это, например, письма Марка Туллия Цицерона к брату Квинту, Бруту или к Аттику, издателю и другу великого оратора.

Письма как способ передачи информации играли огромную роль в политической и культурной жизни Древнего Рима, поскольку по многим делам известные политики и государственные деятели вынуждены были отбывать в далекие провинции, и тогда в ход пускались письма. Как утверждает французский ученый Гастон Буассье, "...в то время люди, занимавшиеся политической деятельностью, нуждались в частной переписке гораздо более, чем теперь. Проконсул, уезжая из Рима для управления какой-либо отдаленной провинцией, прекрасно понимал, что он тем самым совершенно удаляется от политической жизни. Для людей, привыкших к волнениям политических дел, к партийным заботам или, как они выражались, к постоянной толчее на форуме, было большим лишением покинуть на несколько лет Рим для тех бесконечно далеких стран, куда не достигал никакой шум общественной римской жизни[7]." Тоска по Риму, трогательные жалобы и печальные воспоминания о Вечном Городе наполняют и *письма* Цицерона в изгнании, и *Скорбные элегии (Tristia)* Овидия.

Для того чтобы не отрываться от событий римской жизни, вдыхать воздух римских мостовых, состоятельные люди нередко нанимали подобие репортеров, так называемых *operarii* (т.е. просто "ремесленников", людей образованных, но без определенных занятий, деклассированных). Многие из них были греками, ищущими интеллектуальных заработков в латинской столице. *Compilatio — похититель, плагиатор* — так шутливо называл их Цицерон. В обязанности этих людей входила беготня по городу и собирание любой информации о происшествиях, скандалах, несчастных случаях и тому подобных событиях. Они не упускали случая описать в донесениях патрону различные театральные истории, сообщали об освистанных актерах, о побежденных гладиаторах, подробно описывали богатые похоронные процессии и вообще делились всякого рода слухами и сплетнями, особенно всеми скандальными случаями, о

[1] Михайлов А.В. Языки культуры / вступ. ст. С. С. Аверинцева. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 510.
[2] Там же. С. 511
[3] Бродский И.А. Часть речи. Избранные стихи 1962 – 1989. М., 1990. С.68. Далее стихотворения И.А.Бродского цитируются по этому изданию, помимо тех, которые будут оговорены особо.
[4] Там же, с. 69.
[5] Гораций. Собр. соч. СПб, Биографический институт. Студия биографика,.1993.
[6] Овидий. Героиды. Пер. С.Ошерова // Овидий. Собр. соч. Т.1. СПб, Биографический институт «Студиа Биографика», 1994.
[7] Буассье Г. Собр.соч. в 10-ти тт. Т.1. Спб., 1993. С.43.

© 2025 Global Journals

которых им удалось узнать. Вот такие сведения получал знаменитый Цицерон от своих корреспондентов из среды "голодных греков", завербованных специально для проконсула его другом Марком Целлием Руфом [22, Cic., Epist. ad fam., II,8; VIII,1][8]. Вся эта болтовня была занимательной, но малоинформативной, поскольку "греков" не пускали в знатные дома, и они были далеки от людей, осуществлявших управление государством, хотя опытный политик по самым незначительным происшествиям мог уловить настроения римского народа.

Важнейшую группу корреспондентов составляли лица, осведомленные в глубинных течениях римской политики — друзья и близкие, люди из сенаторского сословия. Они были вхожи к первым лицам государства и часто посвящались в тайны римской политики. Особо ценились письма людей мыслящих, аналитиков, способных представить целостную картину происходящего, обладающих юмором и хорошим литературным стилем. К таким корреспондентам принадлежал и сам Цицерон, чьи частные письма еще при его жизни стали достоянием публики усилиями друга и издателя *Аттика*. Современник великого оратора историк *Корнелий Непот* говорил, что тому, кто прочтет эти письма нет надобности в каком-либо другом историческом сочинении этого времени, ибо события описываемой эпохи изображены в них с потрясающей живостью, точностью и непередаваемым духом борьбы [22, Corn.Nepos., Att., 16][9]. Поныне *эпистолы* Цицерона сохраняют значение памятника исторической и поэтической мысли.

В жизни римской республики письма выполняли разнообразные функции: с помощью письма можно было не только сообщить важные сведения какому-либо политическому лицу, но и выразить ему свою симпатию. Набирающий могущество *Цезарь-проконсул* получал в Галлии огромное количество писем. "Ему сообщают все, — говорит Цицерон, — как о важных вещах, так и о пустяках" [22, Cic., ad Quint, III,1][10]. Цезарь как опытный политик нередко сам писал письма, чтобы привлечь на свою сторону известных людей или сделать общим достоянием свои подвиги. Например, он рассыпался в похвалах падкому на лесть сторонник сената Цицерону, будучи уверенным, что последний обязательно разгласит его слова по всему Риму: "Ты открыл все сокровища, свойственные красноречию, и сам первым воспользовался ими. С этой стороны ты много прославил римское имя и возвеличил свою родину. Ты снискал себе лучшую из всех славу и триумф более предпочтительный, чем успехи самых великих полководцев, так как больше ценности в расширении границ ума, чем в расширении пределов государства" [22, Cic., Brut., 72; Plin., Hist.nat., VII, 30][11]. Тому же Цицерону он отправлял письма из Британии, где его армия с трудом оборонялась от воинственных жителей Альбиона, вовсе не потому что он, скучая, заполнял свой досуг, а потому, что представлялась редкая возможность пометить свое послание страною, куда до него не ступала нога римлянина.

Эпистолярное творчество римлян оставалось главным способом передачи информации и в огромной Империи. Письма выдающихся людей, где они высказывали свои чувства и взгляды, читались, комментировались и переписывались. Посредством таких писем государственный человек защищал себя перед людьми, уважением которых он дорожил. Эпистолы, в которых содержалась какая-либо значительная новость, переходили из рук в руки и становились общественным достоянием. Корреспонденцией Цезаря в Германии и Британии пользовались и офицеры его штаба, поскольку это помогало восстановить ту атмосферу светской жизни, позабыть которую не властен был никто. Наконец, в зависимости от серьезности сделанного заявления корреспондент мог отправлять одинаковые письма сразу нескольким важным лицам, что приходилось делать Цезарю в последние месяцы своего проконсульства в Галлии при назревающем конфликте с сенатом. Существовал и обычай **открытых** писем – *in pub lico propositae,* – текст которых размножали и развешивали на стенах в публичных местах. Когда форум замолк, как во времена диктатуры Цезаря, с помощью писем пытались образовать нечто вроде общественного мнения в узком кругу сторонников сената. *"Подметные письма"* – практически агитационные листовки заговорщиков – сыграли не последнюю роль в удачном разрешении заговора против Цезаря, о чем упоминают в своих рассказах практически все римские историки.[12]

Именно поэтому прославленные поэты древнего Рима *Гораций* и *Овидий* использовали форму послания в своем художественном творчестве. Жанровая форма письма оказалась многофункциональной. Эпистола обладала одной существенной особенностью — субъективностью изложения материала, нередко интимностью интонации, поскольку письмо было явлением частной жизни граждан и, следовательно, как форма идеологического воздействия не подлежало контролю со стороны государства.

Иосиф Бродский, подобно многим молодым поэтам в начале творческого пути был увлечен Овидием [13]. Все же «Певец науки страсти нежной…» Значительно позднее, в эссе «Письмо Горацию» (1995) Бродский сделает показательное признание: «Назон был более велик, чем вы оба (Вергилий и Гораций – *Е.К*), — ну, по крайней мере, на мой взгляд.[…] воображением Назон вас всех превосходит»[14]. Без сомнения, он читает

[8] Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Пер. и комм. В.О.Горенштейна. Т. 1 – 3. М.: Ладомир, 1994.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же
[12] См.напр.: Plut., Caes., 62; Suet., Jul., 80.
[13] Ичин Корнелия. Бродский и Овидий // Новое литературное обозрение. 1996, № 19. С.227 – 249.
[14] Бродский И.А. Письмо Горацию. Пер. с англ. Елены Касаткиной // Иностранная литература, 1997, № 1. С.215.

© 2025 Global Journals

не только «Метаморфозы, но и «Героиды» — изящную любовную игру Назона с мифологическими сюжетами из «житий» прославленных героев, превратившего трагические коллизии древних сказаний в выражение любовной тоски римлянок эпохи Августа. Десятое письмо – «*Ариадна Тесею*» — вызывает неожиданный отклик в творчестве Бродского.

И. Ковалева в обширном предисловии «На пиру Мнемозины» к сборнику «Бродский И. Кентавры. Античные сюжеты» полагает, что: «…миф об Ариадне и Тезее, Тезее и Минотавре – один из центральных в поэзии Бродского конца 60-х – начала 70-х годов. Тезей в это время – один из двойников лирического героя»[15]. Мы не станем следовать Сент-Бёву и его ученикам, выискивая параллели с личной судьбой поэта. В центре внимания этой работы диалог нашего современника с конкретными текстами античной поэзии в эпистолярном жанре.

В послании Бродского «К Ликамеду на Скирос» (1967) перед читателем в какой-то мере ответ назоновой Ариадне, необоснованно упрекающей Тесея в предательстве и коварстве. Адресат тут фиктивен, что напоминает открытые письма римского мира. В письме Тесея к Ликомеду Бродский саркастически дает понять самим названием, что это предсмертная записка, где звучит дерзкое обличение холодного равнодушия и похоти богов. Другое название данного послания «По дороге на Скирос» придает всему замыслу мрачный оттенок. Из Аполлодора [epit., I, 24][16] известно, что герой лишился власти в Афинах усилиями Диоскуров, пришедших освободить похищенную Тесеем сестру Елену; именно Кастор и Полукс передали родственнику Тесея Менесфею трон героя в Афинах. Вернувшись из царства мертвых с помощью Геракла, сын Эгея отправился на Скирос, где у его отца были земли. Коварный царь Скироса Ликомед столкнул Тесея со скалы. Так закончился земной путь героя.

Однако в послании, созданном Бродским, речь идет практически о начале жизненного пути героя послания, о его самом знаменитом подвиге, в основе которого самопожертвование, поскольку Тесей сам вызвался войти в число афинских юношей, обреченных на гибель в Лабиринте, логове Минотавра, чтобы положить конец унизительной дани Афин критскому царю. После этого подвига он становится властителем Аттики и знаменитым героем – победителем чудовищ. Отчего же его письмо пропитано такой горечью?

Я покидаю город, как Тезей —
свой Лабиринт, оставив Минотавра
смердеть, а Ариадну — ворковать
в объятьях Вакха.
Вот она, победа!
Апофеоз подвижничества! [17]

На фоне этого признания упреки обиженной Ариадны из овидиевых «Героид» звучат нарочито и не слишком справедливо:

Скоро ты в гавань войдешь родного Кекропова края,
И, среди внемлющих толп на возвышение встав,
Будешь рассказывать им о быке-человеке сраженном
И о пробитых в скале путаных ходах дворца;
Так расскажи и о том, как меня ты на острове бросил, –
Нет, ни Эгея ты сын, ни Питфеевой дочери Эфры:
Скалы и глуби морей – вот кто тебя породил. [18]

Упрек Ариадны герою в жестокосердии попадает в точку. Отец Тесея – Посейдон, жестокое, хтоническое божество. Но в целом обличения критской царевны в тексте Овидия наивны и отдают самоцельной игрой на чувствах читателя. В них больше риторики, нежели живого чувства. Назон наделяет своих героинь тем способом изображения переживаний, который освоил античный мир, переживанием, исходящим из человеческой природы вообще, как бы могла влюбленная женщина реагировать в предлагаемых обстоятельствах. Упреки и плачь, жалобы на неблагодарность героя, воспользовавшегося ее помощью (почти Медея из одноименной трагедии Еврипида!) и покинувшего ее на пустынном острове, где она непременно погибнет, не могут соперничать с горестным осуждением Тесеем замыслов богов, равнодушно использующих смертных в собственных целях, даже если они герои. Ариадну ждет Вакх, отобравший у Тесея награду: «И Вакх на пустыре / милуется в потемках с Ариадной».

На стороне Бродского другой бэкграунд: расиновская трагедия, исповедальный роман эпохи романтизма и реалистический психологический роман XIX – XX веков. Поэтому ламентации Тезея так убедительны

Бог
как раз тогда подстраивает встречу,
когда мы, в центре завершив дела,
уже бредем по пустырю с добычей,
навеки уходя из этих мест,
чтоб больше никогда не возвращаться[19].

Тесей – сын бога, как и обычный смертный, после столкновения с чудовищем чувствует не триумф, а опустошение и вину:

В конце концов, убийство есть убийство.
Долг смертных ополчаться на чудовищ.
Но кто сказал, что чудища бессмертны?
И — дабы не могли мы возомнить
себя отличными от побежденных —
Бог отнимает всякую награду
(тайком от глаз ликующей толпы)
и нам велит молчать. И мы уходим… [20]

[15] Ковалева И. На пиру Мнемозины // Бродский И. Кентавры. Античные сюжеты. Спб.: Изд-во ж. «Звезда», 2001. С. 16.
[16] Аполлодор. Мифологическая библиотека. Эпитома. // https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1358680004
[17] Бродский И.А. Часть речи. С. 103/
[18] Овидий. Героиды. Пер. С Ошерова. Бродский, по его собственному признанию, не владел древними языками в полном объеме и оттого знал римских поэтов преимущественно в русских переводах.
[19] Бродский И.А. Часть речи. С. 103.
[20] Там же.

© 2025 Global Journals

Тесей у Бродского — дерзостный герой *΄ύβριστής,* как в мифологии, так и в изложении его биографии у Плутарха. Отсюда заключительное: «Дай Бог тогда, чтоб не было со мной/ двуострого меча…»[21]. Помощь, оказанная Тесеем другу Пирифою, царю лапифов, который замыслил похитить из Аида Персефону, говорит сама за себя. Если бы не вмешательство Геракла, оставаться бы герою навеки в подземном царстве. Впрочем, на Скиросе его настигла судьба. Оттого и послание его пронизано горечью и предвидением скорой развязки:

Ведь если может человек вернуться
на место преступленья, то туда,
где был унижен, он прийти не сможет.
И в этом пункте планы Божества
и наше ощущенье униженья
настолько абсолютно совпадают,
что за спиною остаются: ночь,
смердящий зверь, ликующие толпы,
дома, огни.[22]

Спустя более двух десятилетий в 1989 году Бродский напишет эссе «Fondamenta degli Incurabili»/«Набережная неисцелимых», высоким поэтическим стилем расскажет о своем первом посещении Венеции в 1973 году и вновь прибегнет к развернутой метафоре мифологической модели *Тесей — Минотавр — Ариадна*. И здесь как горькое откровение обнажиться незримая ментальная связь поэта с древним мифом, где образ города-Лабиринта, непостоянной возлюбленной: «моя Ариадна» с «горчично-медовым» взором («…меня доставили в вестибюль одноименного, удалившегося от мира пансиона, поцеловали в щеку – скорее как Минотавра, мне показалось, чем как доблестного героя – и пожелали спокойной ночи. Затем моя Ариадна удалилась, оставив за собой благовонную нить дорогих (не «Шалимар» ли?) духов»[23]), - и беспрерывное общением с Минотавром, то ли внутри себя, то ли в венецианском столпотворении чудовищ («…все эти бредовые существа – драконы, горгульи, василиски, женогрудые сфинксы, крылатые львы, церберы, минотавры, кентавры, химеры, – пришедшие к нам из мифологии (заслужившей звание классического сюрреализма), суть наши автопортреты, в том смысле, что в них выражается генетическая память вида об эволюции»[24]) напомнит изящную вязь эллинистических поэтов. Эти аллюзии однозначно объясняют смысл первой строки послания «Я покидаю город, как Тесей…»

Авторская исповедальная проза, поэтичная и пронзительная, в духе «пушкинских» откровений М. Цветаевой, прихотливо построенная на ассоциативной игре зарисовок сумеречного города, личной судьбы и погруженности в тонкости древней мифологии рождают импрессионистскую зарисовку психологического состояния рассказчика, мечтателя и поэта, в Венеции: «Поэтому, продвигаясь по этим лабиринтам, никогда не знаешь, преследуешь ли ты какую-то цель или бежишь от себя, охотник ли ты или дичь. Точно, что не святой, но, возможно, и не полноценный дракон; вряд ли Тесей, но и не изголодавшийся по девушкам Минотавр. Впрочем, греческая версия ближе к делу, поскольку победитель не получает ничего, поскольку убийца и убитый родня. Чудовище ведь приходилось единоутробным братом награде; во всяком случае – итоговой жене героя. Насколько мы знаем, Ариадна и Федра были сестры, и храбрый афинянин поимел обеих. Стремясь в зятья к критскому царю, он вполне мог пойти на убийственное задание, чтобы улучшить репутацию своей будущей семьи. Как от внучек Гелиоса от девиц ждали чистоты и блеска; об этом же говорят и их имена. Ведь даже мать, Пасифая, при всех своих темных влечениях, была Ослепительно Яркой. И возможно, она отдалась темным влечениям и, тем самым, быку как раз затем, чтобы доказать, что природе безразличен принцип большинства, так как рога быка напоминают лунный серп. Возможно, светотень интересовала ее сильнее, чем животные свойства, и она затмила быка по чисто оптическим соображениям. И тот факт, что бык, чья нагруженная символами родословная восходит к наскальной живописи, был настолько слеп, что обманулся искусственной коровой, сооруженной для Пасифаи Дедалом, доказывает, что ее предки берут верх в системе причинности, что преломленный ею свет Гелиоса все еще – после четверых детей (двух знаменитых дочерей и двух никчемных сыновей) – ослепительно ярок. А по поводу причинности следует добавить, что главный герой сюжета – именно Дедал, кроме очень правдоподобной коровы построивший – на этот раз для царя – тот самый лабиринт, где быкоголовый отпрыск и его убийца однажды столкнулись с печальными последствиями для первого. В каком-то смысле, вся история родилась в мозгу Дедала, и в особенности лабиринт, так похожий на мозг. В каком-то смысле, все между собой в родстве, по крайней мере преследователь и преследуемый. Поэтому неудивительно, что блуждания по улицам этого города, чьей самой крупной колонией в течение примерно трех веков был Крит, производят довольно тавтологическое впечатление, особенно когда смеркается, то есть когда убывают пасифайские, ариаднины и федрины свойства города. Иными словами, особенно вечером, когда предаешься самоуничижению»[25].

Автор статьи намеренно привел целиком обширную цитату, состоящую из одного периода, поскольку она прекрасно демонстрирует погруженность поэта в античный мир. Перед читателем как бы невзначай возникает род эллинистического *эпиллия* в обработке современного поэта, демонстрирующего не

[21] Там же. С. 104.
[22] Там же. С. 103 -104.
[23] Iosif Brodskij, Fondamenta degli Incurabili, tr. Gilberto Forti, 1989. Пер. с англ. Г.Дашевского // https://knijky.ru/books/naberezhnaya-neiscelimyh?
[24] Там же.
[25] Там же.

© 2025 Global Journals

только редкую эрудицию в «теле» мифа, но и аллюзии на современное восприятие древнего сказания. Главным в сакральном повествовании был бог, наказавший царя Миноса за «нецелевое» использование дарованного свыше быка, а не мастеровой Дедал, которому вряд ли пришло в голову, что созданное им сооружение напоминает человеческий мозг…

И в дальнейшем тексте эссе Бродский в целом обращается с мифом «по-домашнему», без излишнего пафоса и преклонения. У него Венеция — Пенелопа «среди городов», ткущая «свои узоры днем» и распускающая «ночью, без всякого Улисса на горизонте. Одно море», а старухи в черном на островах «погруженные в свое глазоломное рукоделие» — Парки[26]. Метафоры сверкают оттенками поэтики серебряного века, римского эллинизма, а изредка даже классицизма, но античность для поэта – дом родной, то ли благодаря взрастившему его Петербургу/Ленинграду, то ли благодаря бесконечной начитанности в античной поэзии.

Иное, навеянное Овидием послание «Одиссей Телемаху» (1972), — маленький шедевр, современный комментарий к Гомеру со всей глубиной перевоплощения, вживания в ситуацию, нечто, пришедшее из практики актеров, когда ситуация присваивается исполнителем так, что маска прирастает к лицу и Одиссей-никто становится alter-ego поэта второй манеры творчества [27]. Ковалева также видит в этом стихотворении «эмоциональный взрыв» и связь с широко развернутой в творчестве поэта темы «Никто – Одиссей – Улисс»[28].

Необходимо сразу отметить, что Бродский в этом послании отца к сыну *тему странствия не по своей воле* превращает в *тему страдания и потери себя*. Он создает горестную исповедь не героя-любовника, ищущего наслаждений и очарований, а страстотерпца и страдальца, которого преследует и гонит по миру бог: «… как будто Посейдон, пока мы там / теряли время, растянул пространство…»[29] Это очень точное понимание Гомера, повествующего о «многострадальном» герое, мечтающем «Видеть хоть дым от родных берегов, вдалеке восходящий…» [30]. Вся прочая органика: пейзаж, материал, деталь, навеянные О. Мандельштамом («водяное мясо», «глаз, засоренный горизонтом», «мозг … сбивается, считая волны...»)[31], или горестной в своих скитаниях по словам А. Ахматовой «Музы плача» М. Цветаевой («Мне неизвестно, где я нахожусь, / что предо мной. Какой-то грязный остров, / кусты, постройки, хрюканье свиней, / заросший сад, какая-то царица, / трава да камни…») только углубляют психологический контекст мучительной безысходности, невозможности сохранять уверенность в достижении цели – возвращения. Отсюда и:

Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню[32].

Хотя сам мотив неважности войны как центрального события в его жизни явно навеян Овидием и его верной Пенелопой, которая пишет Улиссу:

Что мне, однако, с того, что разрушена Троя и снова
Ровное место лежит, там, где стояла стена,
Если живу я, как прежде жила, пока Троя стояла,
Если разлуке с тобой так и не видно конца?
Цел для меня для одной Пергам, хоть для всех и разрушен,
Хоть победители там пашут на пленных быках.
Всходы встают, где стоял Илион, и серпа поселенцев,
Ждет урожай на полях, тучных от крови врага.
Лемех кривой дробит неглубоко зарытые кости
Воинов; камни домов прячет густая трава.
Ты и с победой домой не пришел, и узнать не дано мне,
Что тебя держит и где ты, бессердечный, пропал.[33]

Конечно, героиня Овидия упрекнет мужа в сладострастии: *«Я ведь знаю твое сластолюбье, – Верно тебя вдалеке новая держит любовь…»* [34]. Но тоска и ревность вовсе не являются причиной такового очевидного презрительного отношения к общегреческой победе, как будто холодное невнимание мужа может перечеркнуть все жертвы и надежды. В послании Одиссея сыну у Бродского эта тема развернута несколько иначе. Одиссей как будто хочет забыть жестокую резню и Пиррову победу с множеством жертв: «Троянская война / окончена. Кто победил — не помню. / Должно быть, греки: столько мертвецов / вне дома бросить могут только греки…») [35]. Звучит резко, публицистично, а главное, что субъективная, эгоистическая точка зрения Пенелопы Овидия здесь обретает вид выстраданного пацифизма, горького знания цены того, что, как выражается Пенелопа у Овидия, «Храмы отчих богов варварских полны богатств»[36] .

Уникально, но в этом стихотворении Бродский избегает всей событийной канвы «приключений» Одиссея. Упомянуты лишь реперные точки (война, Посейдон, остров Кирки, на который намекает «хрюканье свиней»; по велению этой богини придется наведаться к входу в царство Аида, покинутый во младенчестве сын). Только их сохранило сознание донельзя измученного героя. Сознание замещает внешний мир, детали которого нет смысла сохранять в памяти. Поэт передает внутренний монолог с

[26] Там же.
[27] См.: Ковалева И. На пиру Мнемозины // Бродский И. Кентавры. Античные сюжеты. Спб.: Изд-во ж. «Звезда», 2001. С. 47 – 49, а так же Ичин Корнелия. Бродский и Овидий // Новое литературное обозрение. 1996, № 19. С. 247, прмеч. 22
[28] Ковалева И. С.57.
[29] Бродский И.А. Часть речи. С. 212
[30] Гомер. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. Примеч. С. Ошерова. М.: Моск. Рабочий, 1982. С.4. (Od., I, 57)
[31] См. подр.: [24] Zubova L. Odisseus to Telemachas / Brodsky Joseph. The Art of a Poem. Ed/ by Lev Loseff & Valentina Polukhina. L., Macmillan. 1999. P. 26 – 43.
[32] Бродский И.А. Часть речи. С. 211.
[33] Овидий. Героиды. Пер. С.Ошерова // Овидий. Собр. соч. Т.1. СПб, Биографический институт «Студиа Биографика», 1994. С. 74.
[34] Там же. С. 75.
[35] Бродский И.А. Часть речи. С. 211.
[36] Овидий. Героиды. С. 74.

© 2025 Global Journals

невероятным психологическим совершенством, за которым видится не «история приключений», а мерцающий «живой» человеческий дух, потерявший счет испытаниям, обрушенным на него богами. Оттого обращающийся к сыну Одиссей вовсе не верит в возможность возвращения. Заключительные строки пропитаны безнадежным фатализмом:

Расти большой, мой Телемак, расти.
Лишь боги знают, свидимся ли снова.
Ты и сейчас уже не тот младенец,
перед которым я сдержал быков.
Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но может быть и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны.[37]

Понятно, что упоминание Паламеда и Эдипа — лишь попытка скрыть мучительную боль от невозможности соединения. Эдип здесь присутствует вообще как «эдипов комплекс» в трактовке Фрейда, поскольку в трагедиях Софокла на фиванский цикл причиной всех роковых проступков Эдипа является жестокость богов, с их ужасным предсказанием царю, страх и безрассудство Лайя и то, что ребенок вырос, даже не догадываясь о том, кем были его истинные родители. Бродский распоряжается древним мифом, как и исторической достоверностью с той же свободой, какая была присуща только древним авторам. Кстати, Овидий, на понтийском берегу поминающий Улисса, видит в нем не странника и страстотерпца, а счастливца, вернувшегося на родину вопреки сильным мира сего, и поминает героя не без зависти.

В эссе «Дань Марку Аврелию» (1994) Бродский замечает: «…мы взираем на античность как бы из ниоткуда. Наша точка зрения подобна взгляду на нас самих из соседней галактики. Она сводится в лучшем случае к солипсистской фантазии, к видению» [6]. Однако «видения» Бродского высоко интеллектуалистичны и исторически достоверны. Послание «Одиссей Телемаку» при всех точнейшим образом избранных автором античных аллюзиях стало глубоко современным благодаря уникальному психологизму и экзистенциальным проблемам, выраженным крайне эмоционально и заразительно. Это диалог не столько с предшествующей традицией прочтений Гомера, сколько с современниками, разучившимися понимать всю глубину и драматизм классических текстов.

Возможность диалога с классическими текстами, обогащающими авторскую мысль за счет расширения смыслов, была подмечена М. М. Бахтиным: «…всякое слово всякого другого человека, сказанное или написанное на своем или на любом другом языке, то есть всякое не мое слово», включенное в художественный текст, есть явление диалогическое (курсив мой. — Е. К.)[38]. Ключевым для философии Бахтина становится понятие «Другой» («не-Я») — противоположность самого себя, поскольку личность обретает себя и познает свое «Я» как таковое только в соотнесенности с «Другим». Бродский постоянно использует аллюзии на самые разнообразные тексты предшествующей литературы, отечественной или англоязычной, которые практически не связаны между собой и взаимодействуют только в стихотворениях поэта, который по своему произволу соединяет Гомера с Оденом, Джона Донна с Пастернаком, Овидия с Мандельштамом, Горация с Элиотом, греческую мифологию с Евангелием и т. д. Возникающая сложная перекличка чужих голосов, многоголосие, беспредельно расширяют границы авторского текста.

Диалог формирует позитивное содержание свободы личности, так как он отражает полифонический слух по отношению к окружающему миру. Начало культурного диалога формируется на основе самопознания и соотнесенности своего «Я» с «Другим», и только позднее приходит осознание межкультурных контактов. Как указывает В. С. Библер, культура есть «форма общения индивидов в горизонте общения личностей»[39]. Действия и поступки человека, внешние и внутренние, по Бахтину, формируются под воздействием культуры, а в процессе диалога с «иным» складывается внутреннее понятие свободы личности. Именно благодаря этой свободе человек способен самоопределиться, самореализоваться в мире. Культура здесь выполняет одну из главных своих функций — регулятивную, т. к. позволяет человеку выработать идею о самом себе. Шокировавшая советскую бюрократию внутренняя свобода Бродского-поэта была обусловлена широкой начитанностью в античной и общеевропейской поэтической культуре и стремлением включиться в диалог с предшественниками. Диалогическое мышление всегда отличало значительных художников

В своих размышлениях о творчестве Бродский говорил: «меня более всего интересует и всегда интересовало на свете <...> время и тот эффект, какой оно оказывает на человека, как оно его меняет, как обтачивает <...> С другой стороны, это всего лишь метафора того, что, вообще, время делает с пространством и с миром»[40]. Поэт постоянно стремится к диалогу со временем и неразрывно связанным с ним пространством. Из этого складываются шедевры, подобные «Письмам римскому другу» (1972). Подзаголовок *(Из Марциала)* – игра, шутливая ловушка для читателя и критика. Всякому, начитанному в римской поэзии совершенно очевидно, что образец

[37] Бродский И.А. Часть речи. С. 212.

[38] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1986. С. 367. См. также: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975, а так же: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.

[39] Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. С. 289.

[40] Бродский И. Настигнуть утраченное время // Время и мы. Альм. М.; Нью-Йорк: Время и мы / Искусство, 1990.С. 285

© 2025 Global Journals

этого послания, несомненно, Гораций, любимый поэт А. Ахматовой.

В этой стилизации соблюдены все приметы времени: за рамки реалий «золотого века» Горация здесь выпадает только упомянутый в последней строфе Плиний Старший, а вот адресат – Постум является героем четырнадцатой оды из второй книги Горация [Hor, Od. II, 14 – «Увы, о Постум, Постум! Летучие…»[41]] о быстротечности времени и о смерти. Горацию присущи и эпикурейски-стоическое мировоззрение, и свободное течение мысли, перетекающей от предметов важных к неважным и напротив. Детализация мира во всех его проявлениях, манера, очень близкая Бродскому, – также способ античного мироотражения поэтов «золотого века.

В основе стилизации лежит сложившаяся в поэзии Бродского мифологема Империи («Anno Domini», «Дидона и Эней», «Post aetatem nostrum» и проч.), имеющая аллюзии к современности. Так ощущает поэт изгнавшую его Родину и приютившую эмигранта державу. Везде его лирический герой, в том числе и современник цезарей, ощущает свое бесконечное одиночество, одиночество, как предназначение («*Я сижу в своем саду, горит светильник. / Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых. / Вместо слабых мира этого и сильных — / лишь согласное гуденье насекомых*»).[42]

Последняя строка этой строфы переносит нас в идиллический хронотоп – уж слишком по-феокритовски звучит это «*…согласное гуденье насекомых*».

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце,
стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На рассохшейся скамейке — Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса. [43]

Идиллическое описание деревенской жизни поэта, где только и можно расслышать тихий голос Музы, это, конечно горациева модель счастливой безбедной жизни:

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой…
[Hor., Sat., II, 6, 1 -3][44]

«Скрывшись от города шумного в горы мои, как в твердыню, // Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних укрытый…» [Hor., Sat., II, 6, 17 – 18][45] – все это воплощение идеи Эпикура «Проживи незаметно!» Гораций сам говорит о себе: «Эпикурова стада / Я поросенок; блестит моя шкура холеная жиром» [Hor., Epist., I, 4, 15 – 16][46]. Эпикурейский принцип присутствует и во второй книге од:

Будь доволен тем, что имеешь; в прочем
Беззаботен будь и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.
[Hor., II, 16. 25 – 28. Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского][47]

– что граничит со стоической философией. Из «Жизнеописания Горация» Гая Светония Транквилла мы знаем, что Гораций отказался от лестного предложения самого Августа отвечать на многочисленную корреспонденцию императора, то есть жить во дворце секретарем, и предпочел одиночество в Сабинских горах. Так возникает прекрасный образ мудреца и философа, гостеприимного хозяина и друга («Вина ты вновь будешь пить, что разлиты при консуле Тавре. // Жертвенник блещет давно для тебя и начищена утварь». – [Hor., Epist., I, 5,7][48]. Удивительный отклик вызывают эти строки у Бродского!

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.[49]

Эта интимность и задушевность интонации, присущая беседе только близких и давно знакомых людей, магическим способом создает ощущение древнего мира, где вопреки имперским тенденциям «золотого века» расцветает эпистолярный жанр. «Домашняя» малая форма письма, ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных «грандиозным» приемам» эпоса и оды, «недоговоренность, фрагментарность, намеки»[50], характерные для эпистолы вообще и для жанра посланий у Горация, оказывается такой близкой Бродскому, как и его древний визави не признающему давления официоза на личность. Форма письма актуализируется в мастерской обоих поэтов в «противоположность ораторскому слову», из быта поднимается на самый верх эволюции словесного творчества и становится, по словам Ю.Н. Тынянова, «литературным фактом»[51] в самый яркий период расцвета латинской поэзии.

Но в эту дивную простоту частной жизни на лоне природы постоянно вламывается политика. Какое послание в римской Империи могло обойтись без нее? Как, например, в Hor., Epist., I, 3:

«Юлий Флор, в каких ныне круга земного пределах
Августа пасынок Клавдий при войске? Так хочется знать мне (1 – 2)
Кто же из вас описать все деяния Августа взялся?

[41] Гораций. Собр. соч. СПб, Биографический институт. Студия биографика,.1993. С. 90.
[42] Бродский И.А. Часть речи. С. 193.
[43] Там же, с.195.
[44] Гораций. С. 274.
[45] Там же.
[46] Там же. С. 296.
[47] Гораций. С. 96
[48] Там же, с. 296.
[49] Бродский И.А. Часть речи. С. 195.
[50] Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 285.
[51] Там же, с. 284 – 285.

© 2025 Global Journals

Кто же векам передаст все войны его, перемирья!
Что с нашим Титием?..» (7 – 9)[52]

Поэтому «Письма к римскому другу» о взрывается вопросами: «Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко? / Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги? / Все интриги, вероятно, да обжорство». Или: «Как там в Ливии, мой Постум, — или где там? / Неужели до сих пор еще воюем?» И разумеется, следует по-горациевски мудрый вывод:

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгами хватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.[53]

В «Письмах к римскому другу» практически полный охват горациевых тем, например, море в уединении:

После того, как снегом зима опушит Албанские горы,
К морю сойдет твой певец, укроется там и, поджавши
Ноги, он будет читать, и тебя, милый друг, навестит он,
Если позволишь, весной с зефирами, с ласточкой первой.
[Hor,, Epist., II, 7, 10 – 13][54]

Ср.:

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.[55]

Или размышления о смерти во вполне стоическом римском духе:

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену[56].

Примеры в этом духе замечательно напоминают античные эпиграммы / сегодня эпитафии, краткие надписи на могильных камнях, в которых развернуто жизнеописание покойного:

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро — лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.[57]

Рядом с ним — легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил[58].

Даже плотские желания: «Если, как судит Мимнерм, без любви и без шуток на свете / Радости нет никакой, то живи и в любви ты, и в шутках» (Hor., Epist., 1, 6, 65-66)[59] о которых Флакк говорит так кратко, в той же сдержанной манере появляются у современного поэта:

Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.

* * *

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен…[60]

В прозаическом эссе «Письмо Горацию» Бродский также прибегает к эротическому образу, окрашенному в цвета «терракоты и сепии». Он описывает привидевшееся ему сновидение, где объектом вожделения на самом деле оказывается не давняя римская подруга поэта, а логоэдический ритм эподов (песенок) Горация, который судорожно вырисовывает рука возлюбленной во время близости[61]. Чтение Горация в русских переводах и забытая в постели книга порождают образы подсознания, в котором эмоционально любовные порывы сопоставимы только с поэтическим восторгом: «…метрически, Флакк, среди них ты самый разнообразный. Неудивительно, что этот спотыкающийся и неровный ход моих мыслей взял тебя в поводыри […], я путешествую в темноте». Ибо «ни в чем так не раскрывается человек, как в использовании ямбов и трохеев»[62].

В поэтической практике Бродский воспользуется уроками Горация, взяв за образец «*Ad naven*», в основании которого лежит известная из Алкея развернутая метафора корабля в бурном море как символ государства, погруженного в пучину гражданских распрей. Это «Подражание Горацию», где «Асклепиадова строфа», на которую поэт столь часто ссылается в «Письме Горацию», будет избрана точкой отсчета, но коварный русский тонический стих все равно превратит чередующиеся хорео-дактилические стопы (в греческом длинные и короткие) в привычный дольник, а танцевальные замедления-убыстрения,

[52] Гораций. С. 294.
[53] Бродский И.А. Часть речи. С. 194.
[54] Гораций. С. 300.
[55] Бродский И.А. Часть речи. С. 193.
[56] Там же. С. 195.
[57] Ковалева указывает, что в этой строфе содержится скрытая цитата из Симонида Кеосского (fr. 156 Edmonds)/ «Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я / Прибыл сюда не затем, а по торговым делам». Пер. Л.Блюменау. Бродский мог познакомиться с ней по русскому изданию «Греческие эпиграммы», 1935 или «Греческая эпиграмма» 1960. [15, с 28].
[58] Бродский И.А. Часть речи. С. 193 – 194.
[59] Гораций. С. 299.
[60] Бродский И.А. Часть речи. С. 193 – 195.
[61] Соколов К.С. Толкование сновидения: о цитатной природе одного эротического образа в «Письме Горацию» Иосифа Бродского // Inter-Cultur@l-Net. – 2005. – Вып. 4. – С. 51–53.
[62] Бродский И.А. Письмо Горацию. Пер. с англ. Елены Касаткиной // Иностранная литература, 1997, № 1. С. 215.

© 2025 Global Journals

повороты в возвращения алкеевой или сапфической строфы оценят лишь специалисты. Так что «Мы не будем впущены в античность: она и так была густо заселена, в сущности, перенаселена. Свободных мест нет. Нечего курочить суставы, колотясь в мрамор» [63]. В эссеистике поэт разрешает себе гораздо более субъективных оценок, нежели в поэтических стилизациях.

В «Письмах римскому другу» Бродский только единожды высказывается от собственного лица, но субъективное восприятие мира, резко отличающее поэта XX века от античного классика, невозможно спрятать за античной декорацией («старый раб перед таверной»); уж очень личностно окрашено это высказывание:

> Вот и прожили мы больше половины.
> Как сказал мне старый раб перед таверной:
> «Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
> Взгляд, конечно, очень варварский, но верный[64].

Правда ирония у Бродского лучше прочитывается, чем сатирические выпады Горация, поскольку ирония, понятное дело, очевидна по преимуществу лишь современникам.

В жанре «римских посланий» Иосиф Броский сумел синтезировать эллинистическое мироощущение древнего мира и современную тоску по большому времени и масштабной личности. С точки зрения поэта, античный мир во всем превосходил современный. Политеизм, по его мнению, как более свободный и естественный способ осмысления окружающего мира, во всем стоит выше христианского монотеизма, который у Бродского ассоциируется с авторитаризмом. При этом многие проблемы современной личности, такие как раздробленное сознание, неуверенность в завтрашнем дне, фрагментарность восприятия, ощущение общей обреченности и конца мира уже стояли перед древними, и решение они находили в стоической философии, сегодня практически неизвестной.

Не случайно эссе «Дань Марку Аврелию» (1994) Бродский посвящает одному из самых прославленных стоиков римского мира. Со стоической сдержанностью поэт обреченно отмечает: «Наиболее определенная черта античности — наше в ней отсутствие. Чем доступней ее обломки и чем дольше вы на них таращитесь, тем решительнее вам отказывают во входе»[65]. Однако у поэта есть привилегии: «человек расширяет Pax Romana. С помощью снов, если необходимо»[66]. Этой привилегией пользовался Гораций, беседуя с Алкеем и Сафо, Державин и Пушкин, дискутируя с Горацием, поэты «серебряного века» Мандельштам, Ахматова, Цветаева в диалогах с древними и Пушкиным…

В собственном историческом времени Бродский предпочитает вести диалог с римскими авторами, которых отличает сдержанная трезвость суждений, остроумие и здравый смысл в описании собственных горестей и восторгов. Поэтому жанр послания, где присутствует особого рода лирический субъект, всегда частный человек в конкретных исторических и бытовых обстоятельствах, оказывается для него внутренне близкой формой; лучшими образцами становятся Овидий и Гораций, а учителем любимый Пушкин, часто прибегавший к жанру эпистолы. Эта философски и эстетически обоснованная романтиками форма эскепизма оказывается для Бродского наиболее приемлемой формой бытия. Поэтому диалог с древними, или просто с книжными всегда тщательно отобранными и близкими по духу субъектами ведется непрерывно. Свидетельство этому – все творчество поэта. И самый надежный способ – послание, открытое письмо в вечность.

Литература

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Эпитома. // https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1358680004
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 430 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
5. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
6. Бродский И.А. Дань Марку Аврелию. // Сочинения Иосифа Бродского. Т. IV // https://pub.wikireading.ru/50645
7. Бродский И.А. Кентавры. Античные сюжеты. Спб.: изд-во ж. «Звезда», 2001. 216 с.
8. Бродский И. Настигнуть утраченное время // Время и мы. Альм. М.; Нью-Йорк: Время и мы / Искусство, 1990.
9. Бродский И.А. Письмо Горацию. Пер. с англ. Елены Касаткиной // Иностранная литература, 1997, № 1. С. 213 – 224.
10. Бродский И.А. Часть речи. Избранные стихи 1962 – 1989. М., 1990.
11. Буассье Г. Собр.соч. в 10-ти тт. Т.1. [Спб., 1993. С.43.
12. Гаспаров М.Л. КЛЭ отв. ред. А.А.Суркова. В 9-ти тт.Т. 5, М., 1968. С 906.
13. Гомер. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. Примеч. С. Ошерова. М.: Моск. Рабочий, 1982. 350 с.
14. Григорьев Аполлон. Послания. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. // https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/99539-

[63] Бродский И.А. Дань Марку Аврелию. // Сочинения Иосифа Бродского. Т. IV // https://pub.wikireading.ru/50645

[64] Бродский И.А. Часть речи. С. 194.

[65] Бродский И.А. Дань Марку Аврелию. // Сочинения Иосифа Бродского. Т. IV // https://pub.wikireading.ru/50645

[66] Бродский И.А. Письмо Горацию. Пер. с англ. Елены Касаткиной // Иностранная литература, 1997, № 1. С. 221.

© 2025 Global Journals

%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5
15. Гораций. Собр. соч. СПб, Биографический институт. Студия биографика,.1993.
16. Ичин Корнелия. Бродский и Овидий // Новое литературное обозрение. 1996, № 19. С.227 – 249.
17. Ковалева И. На пиру Мнемозины // Бродский И. Кентавры. Античные сюжеты. Спб.: Изд-во ж. «Звезда», 2001. С. 5 – 59.
18. Михайлов А.В. Языки культуры / вступ. ст. С. С. Аверинцева. М.: Языки русской культуры, 1997. 910
19. Овидий. Героиды. Пер. С.Ошерова // Овидий. Собр. соч. Т.1. СПб, Биографический институт «Студиа Биографика», 1994.
20. Соколов К.С. Толкование сновидения: о цитатной природе одного эротического образа в «Письме Горацию» Иосифа Бродского // Inter-Cultur@l-Net. – 2005. – Вып. 4. – С. 51–53.
21. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 254 с.
22. Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Пер. и комм. В.О.Горенштейна. Т. 1 – 3. М.: Ладомир, 1994.
23. Iosif Brodskij, Fondamenta degli Incurabili, tr. Gilberto Forti, 1989. Пер. с англ. Г.Дашевского // https://knijky.ru/books/naberezhnaya-neiscelimyh?
24. Zubova L. Odisseus to Telemachas / Brodsky Joseph. The Art of a Poem. Ed/ by Lev Loseff & Valentina Polukhina. L., Macmillan. 1999. P. 26 – 43.

References Références Referencias

1. Apollodor. Mifologicheskaja biblioteka. Jepitoma. [Mythological library. Epitoma.] // https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1358680004 (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 430 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Francois Rabelais' Works and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
5. Bibler V. S. Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [From Science Study to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 413 p. (In Russ.)
6. Brodskij I. Dan` Marku Avreliyu. // Sochineniya Iosifa Brodskogo. T. IV [Danyo to Marcus Aurelius. // Works of Joseph Brodsky. T. IV] // https://pub.wikireading.ru/50645. (In Russ.)
7. Brodskij I. Kentavry. Antichnye sjuzhety [Centaurs. Antique stories]. Spb.: Izd-vo zh. «Zvezda», 2001. 216s. (In Russ.)
8. Brodskij I. Nastignut' utrachennoe vremja [Recover lost time]. // Vremja i my. Al'm. M.; N'ju-Jork: Vremja i my / Iskusstvo, 1990. (In Russ.)
9. Brodskij I.A. Pis`mo Goraciyu. Per. s angl. Eleny` Kasatkinoj [Letter to Horace.] // Inostrannaya literatura, 1997, № 1. S. 213 – 224. (In Russ.)
10. Brodskij I. Chast' rechi. Izbrannye stihi 1962 – 1989 [Part of speech. Selected Poems 1962 – 1989]. Moscow, 1990. (In Russ.)
11. Boissier G. Sobr.soch. v 10-ti tt. T.1. [Collected works. in 10 vol. V.1] Spb., 1993. S.43. (In Russ.)
12. Gasparov M.L. KLJe od red. A.A.Surkova. V 9-ti tt.V. 5 [KLE resp. ed. A.A. Surkov. In 9 volumes.V. 5. Moscow, 1968. S 906. (In Russ.)
13. Gomer. Odisseja. Per. V.A.Zhukovskogo. [Homer. Odyssey. Translation V.A. Zhukovsky]. Moscow, 1982. (In Russ.)
14. Grigor'ev Apollon. Poslanija. // Jenciklopedicheskij slovar Brokgauza i Jefrona. [Messages.//Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]// https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/99539-%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5. (In Russ.)
15. Goracij. Sobr. soch. [Horace. Collection Op.] SPb, Biograficheskij institut. Studija biografika,.1993. (In Russ.)
16. Korneliya I. Brodsky and Ovid. In: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 1996, no. 19, pp. 227–249. (In Russ.)
17. Kovaleva I. Na piru Mnemoziny [At Mnemosyne's feast]. // Brodskij I. Kentavry. Antichnye sjuzhety. Spb.: Izd-vo zh. «Zvezda», 2001. S. 5–59. (In Russ.)
18. Mikhaylov A. V. Yazyki kul'tury [Languages of Culture]. Moscow, Iazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 910 p. (In Russ.)
19. Ovidij. Geroidy. Per. S.Osherova [Ovid. Heroids.]// Ovid. Collection Op. T.1. St. Petersburg, Biographical Institute "Studio Biography", 1994. (In Russ.)
20. Sokolov K.S. Tolkovanie snovideniya: o citatnoj prirode odnogo e`roticheskogo obraza v «Pis`me Goraciyu» Iosifa Brodskogo [Interpretation of a dream: on the quotative nature of one erotic image in Joseph Brodsky's "Letter to Horace"] // Inter-Cultur@l-Net. – 2005. – V. 4. – S. 51–53. . (In Russ.)
21. Ty`nyanov Yu.N. Poe`tika. Istoriya literatury`. Kino. [Tynyanov Yu.N. Poetics. History of literature. Movie.]. M.: Nauka, 1977. 254 s. (In Russ.)
22. Cicero Marcus Tullius. Letters to Atticus and loved ones. Brother Quintus, M. Brutus. Per. and comm. V.O. Gorenshtein. T. 1 – 3. M.: Ladomir, 1994. //

© 2025 Global Journals

Ovidij. Sobr. soch. T.1. SPb, Biograficheskij institut «Studia Biografika», 1994. (In Russ.)
23. Iosif Brodskij, Fondamenta degli Incurabili, tr. Gilberto Forti, 1989.
24. Zubova L. Odisseus to Telemachas / Brodsky Joseph. The Art of a Poem. Ed/ by Lev Loseff & Valentina Polukhina. L., Macmillan. 1999. P. 26 – 43.

© 2025 Global Journals